

А. В. БЕЛОБРАТОВ (Санкт-Петербургский государственный университет) В. М. ЖИРМУНСКИЙ И РУССКАЯ ГЕРМАНИСТИКА

Имя, темы и проблематика «трудов и дней» Виктора Максимовича Жирмунского (1891–1971), без сомнения, теснейшим образом связаны с началами и последующими свершениями русской германистики: связаны напрямую, на протяжении филологической работы по меньшей мере трех ее поколений, и связаны опосредованно – после его смерти – с положением отечественных германистов последней трети XX в. Жирмунский – то имя и та проблема, которые вполне перекрывают собой весь горизонт существования русской германистики, как литературоведческой, так и лингвистической, в разнообразных ее проявлениях (история языка, грамматика, диалектология, стилистика).

В моем выступлении я коснусь трех сторон вопроса, который естественно сформулирован в начале нашей конференции. Во-первых, на основании материалов, посвященных научной жизни «крупнейшего русского и советского филолога первой половины XX века»,¹³⁶ я предложу сжатый очерк его германистической деятельности с очевидной для темы конференции ориентацией на публикации и свершения Жирмунского как германиста-литературоведа. Во-вторых, речь пойдет о тех качествах Жирмунского – ученого, учителя и организатора науки, которые, вне всякого сомнения, могут послужить выявлению проблемных зон современной германистики и в какой-то мере преодолению этого проблемного состояния. В заключение я попытаюсь обратить внимание на полемику вокруг имени и научной методологии Жирмунского и на ряд вопросов, встающих перед литературоведами-зарубежниками у нас в стране, – размышления и оценки, принадлежащие другому крупнейшему германисту-литературоведу XX века Александру Викторовичу Михайлову, а также полемические суждения современных исследователей, продолжающих как бы уже на новом теоретико-историческом витке спор с Жирмунским-германистом и компаративистом, возникший в начале 1920-х гг.

1. О жизни и научном творчестве Жирмунского написано много – и в советские годы (статьи П. Н. Беркова, В. Г. Адмони, С. А. Миронова, М. М. Гухман, В. Е. Холщевникова, Н. А. Жирмунской и др.),¹³⁷ и в последние 10–12 лет, начиная со столетнего юбилея ученого (публикации Г. М. Фридлендера,¹³⁸ Е. Г. Эткинда,¹³⁹ А. В. Михайлова,¹⁴⁰ А. В. Лаврова,¹⁴¹ статьи в сборнике к 110-летию юбилею ученого,¹⁴² публикации его работ с комментариями

¹³⁶ Лихачев Д. С. В. М. Жирмунский – свидетель и участник литературного процесса первой половины XX в. // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 7.

¹³⁷ См.: Верков В. П. Виктор Максимович Жирмунский как литературовед: (К 70-летию со дня рождения) // Русская литература. 1961. № 3. С. 233–238; Admoni V. Der hervorragende Philologe Victor Shirmunski // Sowjetliteratur. 1965. Hf. 5. S. 180–183; Миронов С. А. В. М. Жирмунский и история изучения немецких диалектов в СССР // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1971. Т. 30. № 4. С. 298–305; Гухман М. М. У истоков советской лингвистики // Иностранные языки в школе. 1972. № 4. С. 2–10; Холщевников В. Е. В. М. Жирмунский – стиховед // Жирмунский В. М. Теория стиха. Л., 1972. С. 643–660; Жирмунская Н. А. В. М. Жирмунский – теоретик сравнительного литературоведения // Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л., 1979. С. 5–17.

¹³⁸ Фридлендер Г. М. «Шестое чувство» (из истории литературно-общественных настроений 1910-х годов) // Русская литература. 1992. № 2. С. 28–41.

¹³⁹ Эткинд Е. Г. Историзм В. М. Жирмунского (1910–1920-е годы) // Изв. РАН. Отд-ние лит. и яз. 1992. Т. 5. № 2. С. 3–17.

¹⁴⁰ Михайлов А. В. Ранние книги В. М. Жирмунского о немецком романтизме // Филологические науки. 1994. № 2. С. 32–40.

¹⁴¹ Лавров А. В. В. М. Жирмунский в начале пути // Русское сподвижничество. М., 1996. С. 337–351.

¹⁴² Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика В. М. Жирмунского / Отв. ред. Казан-

историков науки¹⁴³). Роль и место Жирмунского в сравнительно-историческом литературоведении, германистической лингвистике, диалектологии и диалектографии, исследовании фольклора, эпоса, в тюркологии и балканистике огромно.¹⁴⁴ Поэтому упомяну только самые существенные литературоведческие публикации Жирмунского-германиста.

Научная карьера Жирмунского началась очень рано: совсем еще молодым человеком, в двадцать с небольшим лет, он был оставлен при романо-германском отделении Петербургского университета «для приготовления к профессорскому званию» и направлен на стажировку в Германию. Было это в 1912–1913 гг., и к тому времени Виктора Максимовича уже воспринимали в его филологическом и культурном окружении как личность незаурядную и многообещающую. К этому времени относятся его первые публикации. Жирмунский начинает свою научную карьеру как «чистый» германист-литературовед: он публикует несколько статей о немецкой литературе, в основном о романтиках, участвует в «Истории западной литературы (1800–1910)» под редакцией Ф. Д. Батюшкова, подготавливает и публикует две монографии о романтизме в Германии.¹⁴⁵

Рано проявляется и универсальность Жирмунского, его явная способность и вкус к многоуровневой деятельности. Позднее он вспоминал: «На первом курсе меня как-то спросил студент другого факультета, к какой работе я себя готовлю как филолог. Я объяснил ему, что хочу быть ученым и в то же время учителем, заниматься литературным творчеством и литературной критикой».¹⁴⁶ Он интересуется современной русской литературой и философией, в кругу его знакомых – Александр Блок, поэзией которого Жирмунский вскоре займется и как литературный критик, и как литературовед. Германистика, таким образом, не единственная, но чрезвычайно важная область его научных занятий – две фундаментальные публикации свидетельствуют об этом.

Книга «Немецкий романтизм и современная мистика» – результат его научной стажировки в Германии и одновременно глубокого интереса к современной русской литературе и культуре, в особенности к символизму.

Г. М. Фридендер отмечает, что Жирмунский в этой книге был «по-юношески влюблен в романтизм», писал о нем «языком влюбленного».¹⁴⁷ А. В. Лавров, опубликовавший письма К. В. Мочульского к В. М. Жирмунскому, подхватывает эту тему: «Первая книга Жирмунского „Немецкий романтизм и современная мистика“ заключала в себе не только интерпретацию историко-литературного материала, но и исповедание собственного идейно-эстетического кредо». Эту линию в труде ученого заметили и его современники, в частности, А. В. Лавров: «Как адепта мистико-романтического искусства пытался изобличить Жирмунского на редакционных дискуссиях в „Северных записках“ А. А. Гвоздев».¹⁴⁸

ский Н. Н. СПб.: Наука, 2001.

¹⁴³ Жирмунская-Аствацатурова В. В., Светикова Е. Ю. В. М. Жирмунский как исследователь поэтики символизма // Новое литературное обозрение. 1996. № 1 (35). С. 215–249.

¹⁴⁴ См. библиографический указатель: Виктор Максимович Жирмунский (1891–1991) / Сост. Генин Л. В. и др. СПб., 1991.

¹⁴⁵ Жирмунский В. М. Гаман как религиозный мыслитель // Русская мысль. 1913. № 6. С. 31–36; Он же. Гейне и романтизм // Русская мысль. 1914. № 5. С. 90, 116. Он же. Современная литература о немецком романтизме // Русская мысль. 1913. № 11. С. 31. 38. Он же. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1914. Он же. Театр в Берлине: (Письмо из Германии) // Сев. записки. 1914. № 1. С. 185–195; Он же. Проблема эстетической культуры в произведениях гейдельбергских романтиков // Записки нефилологического общества. СПб., 1914. Т. 8; Он же. Генрих фон Клейст // Русская мысль. 1914. № 8–9. С. 1–11; Он же. Комедия чистой радости («Кот в сапогах» Людвиг Тика, 1797) // Любовь к трем апельсинам. 1916. № 1. С. 85–91; Он же. Религиозное отречение в истории немецкого романтизма: Материалы для характеристики Клеменса Брентано и гейдельбергских романтиков. Саратов, 1918. (2-е изд.: М., 1919).

¹⁴⁶ Цит. по: Лавров А. В. Вступительная статья к публикации: Письма К. В. Мочульского к В. М. Жирмунскому // Новое литературное обозрение. 1999. № 1 (35). С. 121.

¹⁴⁷ Фридендер Г. М. «Шестое чувство». С. 31.

¹⁴⁸ Лавров А. В. Вступительная статья к публикации: Письма К. В. Мочульского к В. М. Жирмунскому. С. 127.

Е. Г. Эткинд обращает внимание на то, что молодой германист «стремился связать литературу с внелитературной действительностью, выйти за эстетический ряд в определяющий его своеобразие мир общественного бытия».¹⁴⁹ А. Г. Аствацатуров, переиздавший первую большую работу Жирмунского в 1996 г., в своем предисловии заявляет: «... значение ее [этой книги.—А. Б.] для отечественной германистики, как и для истории художественной жизни начала XX века, столь велико, что и по сей день она остается отправной точкой для любого серьезного исследования хотя бы одной из затронутых в ней проблем». По мнению публикатора, эта книга – «эталон научной добросовестности», и она «в большей степени являет собою пример филологии будущего, нежели образец для настоящего».¹⁵⁰

На мой взгляд, обаяние этой книги – в удивительном сочетании достаточно внятного и четко прописанного концептуального подхода (не стану останавливаться на деталях, они, надеюсь, известны) с ярким, живым слогом ученого и человека, открывающего для себя в «чувстве жизни» раннего немецкого романтизма нечто притягательное и узнаваемое, обращаясь к нему из современности, из европейской и русской литературы и культуры конца XIX—начала XX столетия. Существенным представляется и то, что Жирмунский в своей первой научной монографии, во многом обязанной научной традиции того времени, одновременно намечает ту линию, которая много позже будет связываться с направлением интеркультуральной германистики. В качестве интерпретационной базы Жирмунский обращается к истории немецкой словесности в связи с теми представлениями о границах и процессах внутри романтической эпохи, об именах, произведениях, контекстах и смыслах романтической литературы, которые утвердились к началу 1910-х гг. в немецком литературоведении. Однако при этом значительную роль играет культурная авторефлексия русского германиста и его референциальные связи с русской и мировой литературой, причем и немецкая литература воспринимается им как часть мирового литературного процесса. В книге Жирмунского ощущаются первые наброски того подхода к изучению немецкой литературы, который можно обозначить как подход с позиции «сравнительной германистики». Жирмунский следует диалогическому принципу, при этом возникает такая интерпретационная ситуация, когда делается попытка учесть обе (как внутри-, так и инонациональную) референциальные рамки, соотнести культурное своеобразие исследуемой эпохи с особенностями эпохи, из перспективы которой осуществляет свою аналитическую работу исследователь.¹⁵¹

«Религиозное отречение в литературе Германии», вторая книга Жирмунского о романтизме, но теперь уже о гейдельбергском, создавалась с 1913 по 1916 г. и опубликована в 1919 г. Если первая книга была активно воспринята не только научными кругами, но и непосредственно писателями и поэтами символистского поколения (в библиотеке Александра Блока хранится экземпляр, подаренный ученым поэту 2 марта 1914 г. и содержащий множество помет и отчеркиваний, сделанных рукою Блока), то второй книге очень сильно не повезло: неблагоприятным было время ее появления – в России первых послеоктябрьских лет мало кому было дела до религиозных исканий и метаний Клеменса Брентано, автора, до сих пор, кстати, мало у нас известного. К тому же книга эта, написанная, по словам А. В. Михайлова, в русле «„довоенного академизма“», – с присущим ему самоосмыслением, с характерным пониманием научной работы как последовательного, постепенного ... внутренне покойного, методичного процесса собирания, критики, обобщения историко-литературных материалов»,¹⁵² была и для стремительно входившего в научный оборот формализма,

¹⁴⁹ Эткинд Е. Г. Историзм В. М. Жирмунского... С. 4.

¹⁵⁰ Аствацатуров А. Г. Неповторимый образ немецкого романтизма // Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1996. С. VIII, XI, XL.

¹⁵¹ См. об этом: Belobratow A., Zerebin A. Nachwort // Zirmunskij V. Deutsche Romantik und moderne Mystik. St. Ingbert, 1996. S. 195–199.

¹⁵² Михайлов А. В. Ранние книги В. М. Жирмунского о немецком романтизме. С. 36.

равно как и для готовящегося к «прыжку» социологического литературоведения, скорее чужда, чем близка. Насыщенность историческим и биографическим материалом, связанным с Клеменсом Brentano, главным героем этого исследования, концентрация на духовно-исторической перспективе изучения литературного процесса, «избыточный академизм» (выверенные и обширные примечания занимают в книге почти треть ее объема) – все это не вызывало симпатии и интереса ни с одной, ни с другой из противоборствующих сторон. А вскоре – после агрессивного утверждения в науке вульгарно-социологической перспективы – немецкий романтизм и всякого рода «мистика» с «иррационализмом» на многие десятилетия стали неудобоваримой и даже запретной темой. Обе книги Жирмунского словно бы исчезли из научного оборота, их не переиздавали, не цитировали в течение нескольких десятилетий. Еще в 1973 г. в предисловии М. Л. Тронской, одной из лучших учениц Виктора Максимовича, к его «Очеркам немецкой литературы» явно ощутимы определенные опасения перед возможным обвинением в излишнем внимании к «иррационализму».¹⁵³

1920-е годы для Жирмунского-германиста были отчетливо поворотными: с этим временем связан его огромный теоретический рост, интерес к проблеме стиля, первые стиховедческие работы и работы по поэтике и одновременно – по возвращении из Саратова (с 1917 по 1919 г. он возглавлял там кафедру) – бурная научно-педагогическая деятельность в Петроградском университете и ряде других учебных заведений, а также большая научно-организационная работа. Интерес Жирмунского в это десятилетие все в большей степени перемещается в область стилистики, языкознания, диалектографии и диалектологии. Вокруг него собираются яркие ученики, чьи имена по достоинству украшают отечественную германистику (В. Г. Адмони, Л. Р. Зиндер, М. М. Гухман, С. Д. Кацнельсон, А. В. Десницкая, Б. Я. Гейман, М. Л. Тронская).

В предисловии к книге «Общее и германское языкознание», написанном в 1967 г., Жирмунский называет своим «учителем в области германистики» «проф. Ф. А. Брауна, ученика А. Н. Веселовского и основателя германской филологии у нас в стране». Одновременно он упоминает многие научные установки Н. Я. Марра, оказавшие плодотворное влияние на Жирмунского-языковеда: «К таким общим установкам я отношу прежде всего борьбу Марра против узкого европоцентризма традиционной лингвистической теории, стадийно-типологическую точку зрения на развитие языков и их сравнение независимо от общности их происхождения, поиски в области взаимоотношения языка и мышления и то, что можно назвать семантическим подходом к грамматическим явлениям». В этих вопросах, продолжает Жирмунский, «больше чем сам Н. Я. Марр, повлияли на меня собственные ученики» Кацнельсон, Десницкая, Гухман.¹⁵⁴ Перечень научных установок, действительно составляющих ядро исследовательского метода Жирмунского в последующие десятилетия, важен. Не менее важно, однако, признание Жирмунского по поводу его учеников: отношения учителя и ученика для него – процесс взаимообмена, сотрудничества, взаимообогащения.

К середине – второй половине 1920-х гг. становится очевидно, что новая власть требует от ученых «новых песен». Жирмунский интересуется и современными культурными процессами в Германии, особенно в сфере научной мысли,¹⁵⁵ однако отчетливая и прогрессирующая поляризация в отношении к «пролетарской» и «буржуазной» литературе подсказывает: эта сфера изучения литературы опасна, слишком близка к идеологии. Горький опыт одной из его учениц – М. Л. Тронской, отправленной на стажировку за границу, опубликовавшей небольшую книгу «Литература современной Германии» (1929) и подвергшейся в печати

¹⁵³ Тронская М. Л. В. М. Жирмунский // Жирмунский В. М. Очерки по истории классической немецкой литературы. Л., 1972. С. 8.

¹⁵⁴ Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. М., 1976. С. 7, 9.

¹⁵⁵ Жирмунский В. М. Новейшие течения историко-литературной мысли в Германии // Поэтика. Временник отдела словесных искусств ГИИИ. Л., 1927. С. 5—28.

разгрому, подтверждает бесперспективность занятий современным литературным процессом. Эту нишу с конца 1920-х гг. займут Н. Я. Берковский, в то время непримиримо-убежденный борец со всякой буржуазностью и «интеллигентщиной» в культуре, И. А. Анисимов, Т. Л. Мотылева и ряд других германистов, связанных с Ф. П. Шиллером.

В 1926–1927 гг. национально-культурная политика большевиков способствует открытию новой, плодотворной сферы научных, в том числе и германистических изысканий. По мнению Л. Р. Зиндера, под влиянием учеников Жирмунский увлекается полевой, или островной диалектологией, организует диалектологические экспедиции, собирает вокруг себя большой коллектив исследователей, занимается сбором и анализом народных песен немецких колоний в России. Этот интерес у Жирмунского, возможно, возник еще в Саратове из контакта с Г. Г. Дингесом и другими коллегами, занимавшимися изучением «островных диалектов». Жирмунский как «островной диалектолог» – крупнейшее явление в диалектологии того времени.¹⁵⁶

В начале 1930-х гг. аресты и репрессии коснулись и Жирмунского и его соратников по немецкой диалектологии, что резко оборвало эту линию в его научной деятельности. Жирмунский отчетливо дрейфует к марксистской схеме в понимании литературы и культуры: без вульгарно-социологической подоплеки, с широким компаративистским базисом, но все же в рамках словаря эпохи. Однако с середины 1930-х он движется и в направлении сравнительно-исторического изучения литератур, в том числе фольклора и эпоса, и эти его достижения также широко известны и признаны. Книга «Гёте в русской литературе» (1937) – первое основательное достижение Жирмунского, связанное с попыткой «по-новому поставить проблему международных литературных взаимодействий, „литературных влияний“, осмыслив их более широко – как проблему освоения культурного наследия, обусловленного общими закономерностями социально-исторического развития». И все же эта книга по сути своей – о русской литературе и «в разной степени освещает всю историю русской литературы».¹⁵⁷ О немецкой литературе Жирмунский продолжает писать (в 1940 г. созданы работы «Период „бури и натиска“», «Творческая история „Фауста“ Гёте», в 1948 г. – капитальная статья «Раннее немецкое просвещение»), но в свет его работы не выходят.¹⁵⁸ Публикации о немецкой литературе появляются лишь sporadически, и только с середины 1950-х гг. Жирмунский снова возвращается к деятельности германиста-литературоведа (работы о Гердере и немецких демократах XVIII в., а также блестящая «История легенды о Фаусте»).

Мировая научная общественность прекрасно знает и ценит в 1950–1960-е годы Жирмунского – теоретика сравнительного литературоведения, лингвиста, диалектолога, фольклориста и эпосоведа. Его работы в области немецкой литературы привлекают, однако, только ученых ГДР – книга о Гердере переведена на немецкий язык в 1963 г. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. Н. А. Жирмунская осуществляет масштабный проект по переизданию основных трудов ученого. В одном из томов этого издания перепечатываются небольшие работы Жирмунского о немецкой литературе. О «романтических» началах германиста Жирмунского напомнить читателю удастся лишь косвенно – время возвращения его «диалогии» о романтизме в научный оборот настанет только в 1990-е годы.

2. Фигура Жирмунского в отечественной науке чрезвычайно заметна и наделена теми качествами, обращение к которым могло бы способствовать позитивной динамике процессов, в ней сегодня происходящих. Жирмунский как ученый, учитель и организатор научной

¹⁵⁶ См.: Найдич Л. А. Об истоках диалектологических исследований В. М. Жирмунского // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика В. М. Жирмунского. С. 75–83.

¹⁵⁷ Жирмунский В. М. Гёте в русской литературе. Л., 1937. С. 5.

¹⁵⁸ На это время приходится событие, связанное с преследованиями научной интеллигенции в советской России: в Ленинградском университете в 1948–1949 гг. устраивается травля «формалистов и космополитов» – с соответствующими публичными обсуждениями, увольнениями, отстранениями от службы и от науки.

жизни обладал основательнейшей филологической подготовкой: знанием, и глубоким, иностранных языков (уже авторские переводы из немецких романтиков в первой его книге свидетельствуют об этом), широким и одновременно основательно-углубленным знакомством с литературой разных эпох и народов (той важнейшей базой для литературоведа-зарубежника, без которой эта профессия немислима), солидной текстологической подготовкой, обеспечивающей умелую и точную работу с источниками. В «Воспоминаниях» Елеазара Моисеевича Мелетинского есть строчки, подчеркивающие это качество Жирмунского: «Никогда не забуду объединенный аспирантский семинар (в Ташкенте в эвакуации), руководимый Жирмунским, где и я „блистал“ иногда в каких-то дискуссиях на весьма отвлеченные темы. Видя мою готовность все объять в считанные минуты теоретическими гипотезами, Виктор Максимович говорил, что он засадил бы меня, будь его воля, „на три года сличать варианты“. Мне же Шишмарев и Жирмунский при первом научном знакомстве показались (и совершенно напрасно) сухими эмпириками и позитивистами. Я тогда еще не знал, что сам В. Р. Гриб незадолго до своей смерти в 1939 году (он умер молодым) просился именно к Жирмунскому в докторантуру, говоря, что ему надоело ходить в московских гениях и хочется еще серьезно поучиться».¹⁵⁹

Универсалистская ориентация Жирмунского проявлялась в первую очередь как сочетание разносторонних качеств личности и как способность реализации их в разных сферах германистики и филологии. Данная ориентация была связана с уверенностью в плодотворности соединения лингвистической подготовки и литературоведческих навыков. При этом во главу угла ставился теснейший контакт академической науки с университетским преподаванием, подразумевавший постоянную включенность в лекционный и семинарский процесс, в сотрудничество с аспирантами, с научной молодежью, – традиция, заложенная еще Ф. А. Брауном.

Прямым продолжением «учительской» работы Жирмунский считал организационно-общественную деятельность. Самому Виктору Максимовичу в высшей степени было присуще стремление вовлекать в научный процесс как можно большее число коллег-специалистов, объединять их усилия для решения общих научных задач. В июне 1925 г. Ф. А. Браун, к тому времени – профессор Лейпцигского университета, писал с заботой о «романо-германской семье» в России, о необходимости «собирать» людей, согревать, поддерживать: «Эта роль должна перейти к Вам, Виктор Максимович, я знаю, что она Вам по силам, несмотря на Вашу относительную молодость, и что Вы сделаете все, что сможете, чтобы спасти наше общее дело – для лучшего будущего».¹⁶⁰

Поглощенность Жирмунского научным трудом была связана с самой высокой оценкой собственной профессии. Д. С. Лихачев вспоминает: «Он обладал в высокой степени общественным темпераментом и умел находить в людях их ценные стороны. Очень редко можно было от него услышать отрицательное мнение о ком бы то ни было».¹⁶¹ По оценке Н. И. Балашова, «он не любил настаивать на каких-то готовых решениях и очень ценил плодотворные дискуссии и связь с текущим литературным процессом». В то же время он «до последних лет оставался неукротимым полемистом. При характерной для профессоров петербургской школы изысканной вежливости, которой В. М. Жирмунский блистал не менее своих старших коллег В. Ф. Шишмарева и А. А. Смирнова, он бывал достаточно тверд, резок и даже „грозен“, если кто-либо проводил при нем какую-то предвзятую мысль, не отвечающую фактам или обнаруживающую научную неряшливость и дилетантизм. Многие помнят,

---

¹⁵⁹ Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. М., 1998. С. 513.

¹⁶⁰ Лавров А. В. В. М. Жирмунский и Ф. А. Браун // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика В. М. Жирмунского. С. 14.

¹⁶¹ Лихачев Д. С. В. М. Жирмунский – свидетель и участник литературного процесса первой половины XX в. С. 6.

что коли ученый, слушая такие рассуждения, мрачнел и слегка наклонял голову, то это не сулило оппоненту ничего хорошего: строгая научная и гневная отповедь Жирмунского могла испепелить такого противника».¹⁶²

Для ученого—и это качество представляется чрезвычайно актуальным для современной русской германистики – была принципиально важной ситуация полноценной научной коммуникации, тяготение к культуре единого научного поля, к интенсивному международному взаимодействию ученых. А. Ю. Русаков констатирует (в приложении к отечественной лингвистике): «наша наука. до сих пор имеет достаточно экстенсивный характер. Различные школы и направления зачастую заново формулируют уже не раз высказывавшиеся идеи. Положение начинает несколько меняться в последние десятилетия, но приходится признать, что для предшествующих периодов развития лингвистики процент „работающих“ идей, то есть идей, подхваченных мировым научным сообществом, весьма низок». При этом «у лингвистического наследия В. М. Жирмунского счастливая судьба. Это касается в первую очередь его работ по истории немецкого языка, занявших видное место в мировой германистике».¹⁶³ Работы В. М. Жирмунского о немецком романтизме тоже изначально ориентировались на широкий научный контекст, на тот уровень знания предмета, его освоения, который не позволял замкнуться в рамках «отдельно взятого» литературоведения – вне фактов, добытых мировой германистикой, вне культуры научного исследования, сложившейся в международной практике.¹⁶⁴

3. Многое из упомянутого мной хорошо известно из работ, посвященных деятельности В. М. Жирмунского. Менее известны, вероятно, некоторые полемические оценки научного творчества Жирмунского-германиста и ситуации русской литературоведческой германистики вообще. А. В. Михайлов наиболее остро и вместе с тем заинтересованно ставил вопрос об истории отечественной германистики как о существеннейшей предпосылке ее нынешнего положения и возможности движения в сферу международной германистики. По мнению Михайлова, ранние книги Жирмунского «принадлежат еще довоенной науке, академической историко-литературной школе России и Германии. эти начала были блестящи», но совершенно несопоставимы с научным творчеством Жирмунского начиная с 1921 г., к изучению немецкой литературы имеющим лишь косвенное отношение. При этом, считает Михайлов, в России «нет другой такой книги о гейдельбергском романтизме. Легко говорить, что книга эта устарела (и это будет правда), но правильно будет сказать и то, что в рамках своего литературоведческого направления. эта книга у нас единственная, а потому она может рассматриваться как классическое сочинение в этой области».¹⁶⁵

В докладе на симпозиуме «Германистика в Центральной и Восточной Европе: 1945–1992» А. В. Михайлов более жестко определял свою позицию, и первое, что выдвигалось им на основной план, – это полное отрицание самой возможности существования отечественной германистики в высшей школе: «Местом, в котором литературоведение и его темы

¹⁶² Балашов Н. И. В. М. Жирмунский и современное литературоведение // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика В. М. Жирмунского. С. 54, 62.

¹⁶³ Русаков А. Ю. В. М. Жирмунский, грамматикализация, балканистика // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика В. М. Жирмунского. С. 184–185.

¹⁶⁴ Распространявшаяся в советском германистическом литературоведении «традиция» изучения литературных феноменов без надлежащего (или крайне фрагментарного) знакомства с западной литературой вопроса, а нередко и без опоры на солидные и полные издания интерпретируемых авторов на языке оригинала, к великому сожалению, не ушла в прошлое. Более того, по-прежнему появляются работы, в которых суждения их авторов базируются исключительно на доступных им русских переводах литературных произведений и русскоязычной исследовательской литературе. Подобный тип «терциального познания» вряд ли может быть воспринят как «особый» опыт восприятия немецкоязычного материала и не способен дать хоть сколько-нибудь заслуживающий научного внимания результат.

¹⁶⁵ Михайлов А. В. Ранние книги В. М. Жирмунского о немецком романтизме. С. 38.

нашли в России кров и убежище, является не университет, а Академия наук и ее институты (к примеру, Институт литературы в Москве)».¹⁶⁶

Пафос этой важной и вместе с тем достаточно дискуссионной работы Михайлова связан с его настойчивым стремлением к подведению неутешительного баланса истории русской литературоведческой германистики: «Работы Жирмунского о новейшей истории немецкой литературы, несомненно, не являются наиболее весомыми в его научном творчестве. Крупный компаративистский труд „Гёте в русской литературе“ более имеет отношение к истории русской литературы. в то время как его поздние работы об истории немецкой литературы явно не находятся на высоте других его публикаций; позитивизм как старое наследие этой научной школы, не преодоленный до конца ни в каком случае, заключил союз с навязанным ему марксизмом, что в методологическом смысле больше не оставляло ученому определенных шансов».¹⁶⁷

«Только-германистика» в России, по Михайлову, либо обречена на жалкое существование в качестве «идеологически зачумленной части русской науки», либо обязана выбрать иную модель существования, стать «еще-и-германистикой» или «не-только-германистикой», чтобы служить «высокому русскому идеалу науки». По Михайлову, отечественная германистика «до крайности скудна и обижена – она своя собственная бедная и мало кем уважаемая родственница».¹⁶⁸ Чисто германистическое творчество Жирмунского Михайлов полемически использует в качестве объекта сопоставления с другими составляющими научного наследия петербургского ученого, выгодно отличающимися, как он считает, в методологическом отношении.

Критика с совершенно другой стороны продолжает давний спор с формалистами и социологами, который Жирмунский вел еще в 1920-е годы, опираясь в том числе на свои германистические публикации, особенно на книгу «Религиозное отречение в немецкой литературе» (1919). А. Н. Дмитриев в докладе к 110-летию ученого подчеркивает, что «для ортодоксального опоязовского крыла формализма В. М. Жирмунский все больше воспринимался как эпигон, представитель „академического эклектизма“», как последователь идеалистического немецкого литературоведения; «у большинства представителей немецкой филологии литература рассматривалась как воплощение философских и эстетических ценностей, которая должна изучаться с точки зрения используемых писателем техник, приемов, которые могут быть каталогизированы и классифицированы согласно античной номенклатуре тропов и риторических фигур... Использование искусствоведческих методов (Вельфлина и др.), разграничение вслед за Дильтеем и Зиммелем „переживания“ и „выражения“, объективной и субъективной культуры, противопоставление эстетике формы, относящейся к Новому времени, античной эстетике меры – все эти новации немецкой филологии первой трети XX в. не изменяли фундаментальных идеалистических принципов истолкования литературы как выражения внележащих констант (творческого гения и воли художника, духовной жизни народа, духа времени и т. п.), вместо того, чтобы исходить из ее собственных закономерностей, как того требовали формалисты».¹⁶⁹

А. Ханзен-Лёве, подробнее освещающий русский формализм как важнейшую страницу отечественной науки о литературе, осуществляет критику «телеологической теории и ее постулатом единства, цельности» – в том числе в приложении к Жирмунскому, подчеркивая, что Жирмунский находился «под сильным влиянием идеалистической теории инди-

¹⁶⁶ Michailow A. Zum heutigen Stand der Germanistik in Rußland. Ein vorläufiger Bericht // Germanistik in Mittel- und Osteuropa 1945–1992. Berlin; N. Y., 1995. S. 190.

¹⁶⁷ Ibid. S. 195.

¹⁶⁸ Михайлов А. В. Ранние книги В. М. Жирмунского о немецком романтизме. С. 39.

¹⁶⁹ Дмитриев А. Н. Полемика В. М. Жирмунского с формальной школой и немецкая филология // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика В. М. Жирмунского. С. 74.

видуального стиля», в частности Фосслера. При этом критика формализма, предпринятая самим Жирмунским, представляется Ханзену-Лёве «очень односторонней и мелочной».¹⁷⁰

Однако, пожалуй, самое капитальное «сотрясение основ» предпринимают на дискуссии о «теории истории литературы» не сторонники формализма, а приверженцы социологической методы в литературоведении. Не упоминая имени Жирмунского, Л. Гудков и Б. Дубин в совместной работе возвещают о «дремучей косности российского литературоведения». По их мнению, «следовало бы говорить об отторжении российской филологией любой попытки теоретической саморефлексии». В соответствии с оценкой авторов статьи, с 1935 г. в отечественном литературоведении «марксизм был вытеснен беспринципной эклектикой».¹⁷¹ При этом «понимание относительного многообразия прошлого. и сознание изменения по отношению к ближайшему прошлому. снимаются и рутинизируются вменением идеологизированного представления об истории как целостности. Это представление принимает в методологическом плане форму требований системного подхода, рассмотрения явлений в их системности... самым общим понятием – об истории литературы... выступает „литературный процесс“ и „литературное развитие“. Первостепенной методологической задачей мыслится периодизация этого процесса, „звеном“ которого выступает произведение. выделяются „стадии“ или „эпохи“, „периоды“, „века“, наконец – „поколения“».¹⁷² Нетрудно заметить, что полной деконструкции подвергаются те базовые категории литературоведческой науки, на которых зиждется научная система В. М. Жирмунского. По мнению дискуссионщиков, опирающихся на достаточно полемически формулируемый постулат «множественной истории литературы», особую помеху представляют «идеологические претензии хранителей или интерпретаторов литературы, рассматривающих ее как единое целое (в рамках „эпохи“, „времени“, „периода“), а не как взаимодействие равных участников, каждый из которых обладает безусловным правом на собственное понимание или значение литературы».¹⁷³ Поставленная здесь проблема релятивизации литературной истории, попытка снятия «монофокальной» перспективы ее рассмотрения и отказ от идеи предустановленного единства и целостности «мировой литературы» как объекта изучения, на наш взгляд, справедливо требуют существенного пересмотра отдельных идей и положений научного творчества В. М. Жирмунского, связанных в особенности с его концепцией «литературных течений как явления международного».¹⁷⁴ Вместе с тем следует подчеркнуть, что в системе научных взглядов Жирмунского меньше всего ощущается некая узость, замкнутость в пределах жесткой концепции, в ней отчетливо присутствует не только подвижность, динамизм в освоении фактов литературной истории, но и глубокое знание этих фактов, умение выстраивать интерпретационные модели, «сличая варианты» и не ограничиваясь жестким набором сведений, подобранных в русле определенной теоретической гипотезы.

На мой взгляд, и научное наследие В. М. Жирмунского, и размышления о нем А. В. Михайлова позволяют выделить некоторые уровни взаимодействия германиста-зарубежника с культурой своего времени. Вне всякого сомнения, огромную значимость сохраняет его просветительская, учительская работа, и в ней уместен разумный консерватизм, умение и желание транспонировать в отечественное культурное сознание достаточно систематизированные и базирующиеся на солидном знании сведения о немецкоязычной литературе. Университетская германистика существует у нас при этом в ситуации, которую

---

¹⁷⁰ Ханзен-Лёве А. Русский формализм. М., 2001. С. 281.

¹⁷¹ Гудков Л., Дубин Б. «Эпическое» литературоведение: Стерилизация субъективности и ее цена // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 221; 222.

¹⁷² Там же. С. 215.

¹⁷³ Там же. С. 229.

¹⁷⁴ См.: Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Л., 1979.

достаточной назвать трудно: ни учебная, ни методическая литература ни в коей мере не удовлетворяет имеющимся запросам и потребностям.¹⁷⁵ Диссертационно-монографический и научно-публикационный уровень русской германистики требует особого осмысления: именно здесь, в этой сфере насушно необходимы инновационные подходы. Именно здесь есть место научному эксперименту, поиску: к сожалению, конвенциональность диссертационного процесса в германистике представляет пока существенную проблему—и в выборе тем, и в выборе подходов исследования, и в следовании «экстенсивному» принципу. Особую задачу представляет собой необходимость исторического и теоретического осмысления места, роли и методологии русской германистики. По мысли А. В. Михайлова, «история науки предполагает анализ научного знания и понимания науки в его историческом развертывании, и именно эта историческая перспектива предстает как особая проблема современной науки в целом, проблема, от решения которой зависит все остальное, т. е. судьба самой науки».¹⁷⁶ Именно высокая степень исторической и теоретической самооценки научного знания, существенно представленная в научной прозе В. М. Жирмунского, сможет способствовать продвижению в отечественном изучении немецкоязычной литературы, в «осознании приема», в более внятном позиционировании литературоведческой германистики в контексте наук о культуре.¹⁷⁷

Zusammenfassung

Viktor Zirmunskij und die russische Germanistik. Im Beitrag geht es erstens um eine konzise, auf zahlreichen Publikationen basierende Skizze der germanistischen Laufbahn von Viktor Maksimovic Zirmunskij (1891–1971), «dem größten russischen und sowjetischen Philologen der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts», sowie um seine Publikationen im Bereich der deutschen Literaturgeschichte. Zweitens werden die wichtigsten Eigenschaften von Zirmunskij als Forscher, Hochschullehrer und Wissenschaftsorganisator herausgestellt, die augenscheinlich dem Abtasten von Problemzonen, der Aufdeckung von Defiziten der heutigen Germanistik in Rußland und in gewisser Hinsicht der eventuellen Überwindung ihrer problematischen Lage dienen können. Abschließend wird die Aufmerksamkeit auf die Polemik um Person und wissenschaftliche Methode Zirmunskijs sowie auf eine Reihe von Problemen gelenkt, vor denen die Auslandsgermanistik in Rußland steht. Berücksichtigung finden dabei vor allem Überlegungen von Alexander Michailow, dem herausragenden russischen Germanisten in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts, sowie aktuelle Positionen der gegenwertigen Literaturwissenschaft und Wissenschaftstheorie, die die bis in die zwanziger Jahre zurückreichende Diskussion mit Zirmunskij fortsetzen.

---

¹⁷⁵ С сожалением приходится констатировать, что до сих пор единственным учебным пособием в этой области остается «История немецкой литературы» Н. А. Гуляева и др. (1975), узкосоциологический и идеологизированный очерк, устаревший еще до своего выхода в свет.

¹⁷⁶ Michailow A. Zum heutigen Stand der Germanistik in Rußland. S. 184–185.

¹⁷⁷ См.: Belobratow A. Zur Rezeptionsgeschichte der österreichischen Literatur in Rußland (Versuch einer Problembeschreibung) // Geschichte der österreichischen Literatur / Hrsg. von D. G. Daviau, H. Arlt. St. Ingbert, 1996. S. 633–639; Zerebn A. «Ein jeder lernt nur, was er lernen kann». Zur bevorstehenden kulturwissenschaftlichen Wende in der russischen Germanistik // Germanistik – wohin? / Hrsg. von D.-S. Klukas. Archangelsk, 2003. S. 318–327.